

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.24>

Плешивцева Елена Юрьевна

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ПРОСТРАНСТВО - ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

В статье дается подробный анализ онтологии пространства на основе аналитики присутствия Мартина Хайдеггера. Автор выдвигает идею о том, что онтология немецкого мыслителя может рассматриваться как своего рода методологический базис, наиболее релевантный для постнеклассической парадигмы в исследовании предельных бытийных оснований, поскольку именно экзистенциальная аналитика, созвучная современной "человекомерной" направленности в философии вообще и в онтологии в частности, дает возможность показать взаимосвязь онтологического и социокультурного аспектов в осмыслении пространственных представлений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/10/24.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 10. С. 128-132. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

**METHODOLOGICAL APPROACHES AND PHILOSOPHICAL BASIS
FOR STUDYING A CONCEPTUAL SCHEME**

Men'shikova Anna Andreevna
National Research Tomsk State University
menanna1366@yandex.ru

The article examines the methodology for analysing a conceptual scheme as a mediator structure (P. Strawson's term) in reality cognition. The author considers philosophical approaches (metaphysical, dialectical, constructivist, et al.) to studying this phenomenon, evaluates the efficiency of various approaches and research methods from the viewpoint of heuristicity, and describes their advantages and shortcomings. For the first time, the paper identifies the most promising and less efficient methods to study a conceptual scheme.

Key words and phrases: methodological approaches; theory of cognition; conceptual scheme; strategies; philosophical basis.

УДК 111

Дата поступления рукописи: 01.08.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.24>

В статье дается подробный анализ онтологии пространства на основе аналитики присутствия Мартина Хайдеггера. Автор выдвигает идею о том, что онтология немецкого мыслителя может рассматриваться как своего рода методологический базис, наиболее релевантный для постнеклассической парадигмы в исследовании предельных бытийных оснований, поскольку именно экзистенциальная аналитика, созвучная современной «человекомерной» направленности в философии вообще и в онтологии в частности, дает возможность показать взаимосвязь онтологического и социокультурного аспектов в осмыслении пространственных представлений.

Ключевые слова и фразы: онтология пространства; онтологический; онтический; экзистенциальная аналитика; постнеклассическая парадигма; «человекомерный»; социокультурный аспект.

Плешивцева Елена Юрьевна, к. филос. н., доцент

Сибирский государственный университет геосистем и технологий, г. Новосибирск
albaneiler5765@mail.ru

**ЧЕЛОВЕК И ЕГО ПРОСТРАНСТВО –
ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ**

Все возникает передо мной как конструкция (Ф. Кафка) [13].

В начале статьи мы неслучайно обращаемся к высказыванию Франца Кафки: во-первых, это отсылка к экзистенциальному контексту, во-вторых, это постановка вопроса о способе восприятия и выстраивания реальности, который по-разному решается в классической философии, в новой онтологии Мартина Хайдеггера, в постнеклассических онтологических стратегиях.

Актуальность рассматриваемой в статье проблемы обусловлена, по меньшей мере, двумя моментами: во-первых, в современном мире, когда расширяется пространство информационное, наблюдается феномен сокращения пространства реального, что становится причиной многочисленных конфликтов от нового «переселения народов» до стратегий в борьбе по освоению энергоресурсов. Поэтому неудивительно, что в эпоху глобальной «перетасовки» пространства, свидетелем чего человечество стало в последнюю декаду ушедшего тысячелетия и свидетелем чего является в продолжение тысячелетия нового, требует переосмысления древний как мир вопрос – что же такое пространство, какова его значимость для современного человека, живущего в постоянном цейтноте, заикленного, казалось бы, отнюдь не на пространстве, а на времени? Новая ситуация (геополитические задачи, экологические проблемы, возникновение информационного общества), в которой оказалось человечество, вновь заставляет обратить пристальное внимание на фундаментальные основания того мира, в котором человек существует. Во-вторых, если брать во внимание не только онтологию пространства, но и онтологию как таковую, представляется очевидным поворот постнеклассической философской мысли от лингвистической направленности в рамках постклассической рациональности к традиционной бытийной проблематике постнеклассических проектов [6; 8; 11], что также является несомненным показателем актуальности означенной темы.

Считается, что последняя великая онтологическая система была создана Гегелем, и впоследствии метафизический и несколько спекулятивный характер онтологических построений не соответствовал эмпирическому и теоретическим выкладкам бурно развивающихся естественных наук. В XX веке произошло, пожалуй, одно из важнейших событий в рамках философской науки – «возвращение блудного сына» философии. Мартин Хайдеггер явился тем мыслителем, благодаря которому онтологическая проблематика вышла на принципиально

новый уровень. В постнеклассической парадигме востребованность осмысления идей Хайдеггера, в особенности его основного произведения “*Sein und Zeit*” («Бытие и время»), не вызывает сомнений, причем интерес к аналитике присутствия наблюдается не только в рамках различных разделов философского знания от метафизики до философии культуры [Там же], но и в прикладных науках (например, в феноменологической психиатрии) [3].

Исходя из этого, **цель** данной статьи мы определяем следующим образом: посредством обращения к онтологии Мартина Хайдеггера выявить возможность экстраполяции онтологических построений, связанных с пространственностью присутствиеразмерного сущего, в социокультурный контекст. Для этого необходимо решить две взаимообусловленные **задачи**: провести подробный анализ онтологии пространства на основе аналитики присутствия Хайдеггера и задать ориентир на экзистенциальную аналитику как на методологический базис для выявления связи онтологического и социокультурного аспектов.

Мы полагаем, что апелляция к философии Хайдеггера как к методологическому ориентиру представляет практический интерес для тех исследователей, которые хотят работать как непосредственно с материалом экзистенциальной аналитики, так и в рамках онтологических построений в целом. С учетом такого рода практической направленности в статье акцентируется внимание на методической подоплеке аналитики присутствия.

Собственно говоря, обращение к тексту Хайдеггера как к развернутой методологической программе является своего рода эвристической идеей, продвигаемой в данной статье: использование в анализе хайдеггеровского «онтологического опроса» и «феноменологического изыскания» раскрывает перед исследователем большой потенциал.

Научная новизна напрямую связана с целью данной статьи, а именно с попыткой показать возможность развертывания онтологических построений экзистенциальной аналитики в рамках социокультурного контекста. При огромном интересе современных авторов к новой онтологии мы не встречали работ, где бы проводились подобного рода изыскания. Нет прямого указания (что естественно) на взаимосвязь онтологического и социокультурного аспектов и у самого Хайдеггера. Тем не менее внимательное прочтение работ немецкого мыслителя дает нам основание говорить о возможности такого рода философских построений. Это относится, прежде всего, к анализу онтологии пространства подручного и бытия-в-мире, в ходе которого удается выявить влияние онтологических характеристик пространства на социокультурные параметры и даже на социальную психологию. Большой эвристический потенциал содержится в анализе пространственности присутствия с учетом социокультурного аспекта, о чем также упоминается в данной статье как о новом взгляде на экзистенциальную аналитику. Однако более глубокая проработка этого вопроса требует отдельного исследования.

Чаще всего попытки дать анализ пространства сводятся к описанию набора характеристик, выводимых из положений теории относительности, квантовой механики, теории струн, фрактальной геометрии. В противовес этому обращает на себя внимание ряд интересных, серьезных работ, посвященных онтологии времени философов кафедры философии и методологии науки Саратовского национального исследовательского университета [2; 9]; для нас же важно то, что в этих работах, а также в статьях, касающихся вопросов постнеклассической онтологии как таковой [1], обнаруживается ссылка на экзистенциальную аналитику присутствия Хайдеггера как на базис, на котором может быть выстроена постнеклассическая модель «человекомерной» онтологии, именно в силу введения фундаментальных категорий пространства и времени в сферу экзистенциального. Для постнеклассической парадигмы весьма продуктивным оказывается включение в поле своего исследовательского интереса вновь открытых для прояснения бытийной проблематики сложных развивающихся систем «человекомерной» направленности [Там же].

Мы считаем, однако, что прямые параллели между бытийным устройством сущего, которое *экзистирует*, и «человекомерным» вектором современных онтологических задач не вполне оправданны. В этом смысле онтология немецкого мыслителя приложима, на наш взгляд, не столько как комплекс стратегически важных идей, но скорее как своего рода методологический инструмент, дающий возможность конвертации хайдеггеровского «сущего» и его бытийных характеристик в постнеклассические конструкты. Сам Хайдеггер указывает на то, что наука, исследуя сущее, всегда исходит из «определенной бытийной понятности», в силу чего «научное исследование проводит выделение и первую фиксацию предметных областей наивно и вчерне» [10]. Но и философское знание, располагающееся прежде онтических наук и их фундирующее, все же не разъясняет бытийного вопроса: «...онтология, взятая в широчайшем смысле и без примыкания к онтологическим направлениям и тенденциям – сама нуждается еще в путеводной нити» [Там же]. И когда Хайдеггер говорит о задаче экспликации определенного сущего (присутствия) в аспекте его бытия, он, по сути, заявляет о необходимости разработки адекватного метода для разъяснения основных бытийных вопросов, для чего нужен строгий «онтологический досмотр», предполагающий, в свою очередь, разведывание бытийного вопроса «в плане его функции, его цели и его мотивов» [Там же]. Таким образом, можно сказать, что вся аналитика Хайдеггера – это развернутая методологическая программа. Сам Хайдеггер, приступая к разъяснению различных бытийных аспектов, предваряет свои изыскания требованиями о необходимости «методического замечания», нахождения «путеводной нити», задания «методической ориентации».

Обзор новейших постнеклассических направлений философской мысли обнаруживает повышенный интерес к аналитике присутствия Хайдеггера, хотя и не с однозначной оценкой. Прежде всего речь идет о так называемых философских стратегиях в рамках спекулятивного реализма, основная интенция которых – признание реальности, независимости от каких бы то ни было актов субъективности: «...быть – значит быть не коррелятом, а фактом» [8]. Это – реальность объектов, равноправных в своих онтологических основаниях, лежащих в одной онтологической плоскости, будь то вещи или человек или даже нематериальный объект [11]. Однако и критика

корреляционизма и призыв исключить привилегию человеческого взгляда на вещи находят свое укоренение в проблеме «субъектно-объектных отношений». Так, в частности, критика корреляционизма исходит из того, что реальность не сводима к воспринимающему ее субъекту и что вопрос «о реальности до человека» [8] ни у классиков (Дидро, Кант, Декарт), ни в гуссерлевой интенциональности, ни в рамках экзистенциальных прозрений Хайдеггера не мог быть не просто решен, но и правильно поставлен, т.к. все эти мыслители оставались в пределах феноменологической субъективности. Сам Хайдеггер, кстати, дистанцируясь от классической рациональности, в которой «субъект и объект не совпадают и с присутствием, и миром» [10], видит постановку вопроса совсем в ином ключе: фактичность предполагает, строго говоря, не наличие в реальности некоего объекта, а бытие «внутримирного» сущего, понимающего и толкующего себя в сопряжении с встречным внутри его собственного мира. Идет ли здесь речь о критикуемом представителями современных постнеклассических направлений феноменологическом подходе? Конечно, при прояснении вопроса о смысле бытия Хайдеггер вполне приемлет «феноменологический метод разыскания», но при условии, что пространство и время следует понимать в качестве эмпирически данных феноменов, которые «себя-так-само-по-себе-кажут».

Памятуя о «путеводной нити» Хайдеггера, возможно дать следующую формулировку: анализ того, из чего присутствие понимает и толкует бытие, выводит на проблему времени и временности, а анализ внутримирного устройства в его «субъектно-объектной» организации напрямую ставит вопрос об онтологии пространства. Правомерна в этом отношении мысль представителя объектно-ориентированной философии (ООФ) Г. Хармана о том, что, несмотря на пристальное внимание к проблеме времени, Хайдеггер, по существу, занимался *пространством* как «напряжением между реальными объектами и чувственными качествами» [11, с. 102]. К слову сказать, Харман вполне приемлет инструментальный анализ Хайдеггера как метод, дающий возможность обнаружить вещи в качестве инструментов; при таком подходе «феноменальная реальность вещей в сознании не истощает их бытие» [Там же, с. 47]. Здесь просматривается и контр-идея: даже если вещь больше, чем наша мысль о ней, т.е. не зависти от мысли о ней («знать, что есть, когда нас нет») [8], все же феноменологический подтекст оправдывает себя как «метод разыскания» в проблемном поле онтологии, в том числе и онтологии пространства. Необходимо, однако, акцентировать мысль о том, что Хайдеггер не является феноменологом в привычном смысле, но прибегает к феноменологии как к методу, сводя ее, собственно, к онтологии. Он ставит перед собой совсем иную задачу, в которую, кстати говоря, не входит проработка вопроса онтологии пространства в ее классическом понимании, отсюда жесткая критика классических онтологических конструктов, в которых проблема бытия мира решается через идею пространственности как *res extensa*, что ни онтически, ни онтологически не оправдано с точки зрения прояснения пространственности как экзистенциала. Хайдеггер *не рассматривает* проблему пространства как такового, т.е. как чистого пространства, его *analysis situs*. Не отрицая возможности онтологического разбора категории пространства, он все же выводит такую процедуру за скобки в силу определенной точки отсчета, за которую принимается бытие присутствиеразмерного сущего. Причем пространственная расположенность («пространственность») самого присутствия, хотя и не отрицается, но и не подлежит трактовке как выходящая за рамки экзистенциальной аналитики, но все же упоминаемая как проблема онтологического порядка: «...присутствие имеет даже собственное “бытие-в-пространстве”, что, однако, со своей стороны возможно только на основе бытия-в-мире вообще» [10]. Задача, таким образом, «не исключить в принципе всякую пространственность присутствия, но только держать свободным путь к увидению конститутивной для присутствия *пространственности*» [Там же] (курсив автора статьи. – Е. П.). Следовательно, необходимо *различать пространство и пространственность*. Однако требуемое различие может быть осуществлено при обращении еще к одной «методической ориентации», предлагаемой немецким философом. Понятность экзистенциалов и категорий, как и необходимость обозначения их надлежащими «титулами», выводится из *различия онтического и онтологического*. Причем первично даже сам термин “*existentia*” подвержен тщательному «досмотру» с целью различения “*existentia*”, онтологически равносильной *наличности* как способа существования в пространстве внутримирного наличного, и *экзистенции* как бытийного определения присутствия. «Онтически ближайшее и известное есть онтологически самое далекое, неузнанное и в его онтологическом значении постоянно просмотренное» [Там же], – предупреждает Хайдеггер, и тогда онтически-онтологическая «подсказка» немецкого философа дает возможность исследователям, работающим над анализом бытийных категорий и экзистенциалов, правильно расставить акценты, а значит, правильно решить поставленные задачи. Так, анализ оппозиции «наличное сущее (природа) vs мир», представленный в структуре “*Dasein*”, обнаруживает их принципиальную разнонаправленность именно в ракурсе онтическое ↔ онтологическое: «...мир, в котором подручное предстает как подручное, отнюдь не является первичным в онтическом смысле... Но онтологически все обстоит иначе. Онтологически способ бытия природы укоренен в определенном модусе бытия-в-мире» [5, с. 9].

Так о каком же пространстве и как представленном идет речь? Хайдеггер усматривает проблему в «разыскании пространственности присутствия и пространственной определенности мира» [10]. Способ бытия в пространстве для присутствия и для неприсутствиеразмерного сущего оказывается принципиально разным. Это различие, как уже говорилось, есть вариант решения «субъектно-объектной» задачи. Если под присутствием выводится «сущее, которое, понимая в своем бытии, *относится* к этому бытию» [Там же] (курсив автора статьи. – Е. Ю.), то получается, что то сущее, которое всегда есть мы сами, бытийствует, выстраивая *отношения* с другими сущими, с миром в целом, при этом высматривая через отношение и собственное бытие. В этом смысле присутствие существует и таким образом имеет онтическое и онтологическое преимущество

перед всеми другими сущими, а именно через «понимание бытия всего неприсутствиеразмерного сущего» [Там же], но не просто понимание, а встраивание других сущих через отношения с ними в свой экзистенциальный контекст, в свою пространственность. Сама же пространственность присутствия «не может значить ни чего-то вроде нахождения при пункте в “мировом пространстве”, ни подручности на месте» [Там же].

Два замечания Хайдеггера, очень метких, можно даже сказать образных, дают, на наш взгляд, необходимое направление в правильном понимании и самой пространственности присутствия и восприятия им пространства как такового. Немецкий мыслитель пишет: «Ни пространство не в субъекте, ни мир – в пространстве» [Там же], – имея в виду, что «пространство не обретается в субъекте», но, что также важно, субъект «не созерцает мира, “как если бы” тот был в пространстве» [Там же]. Заданная в первой части высказывания отсылка к априорности пространства подразумевает априорность не в ее классическом понимании, т.е. не как заданное в субъекте априорное чувство без соотнесения с экзистенциальным контекстом, но как встречаемость пространства, предшествующая встречаемости подручного, фактически как не только данность, но уже *заданность* области пространства. С другой стороны, мир как окружное не кажет себя как трехмерная множественность «возможных пунктов, заполняемых наличными вещами» [Там же]. С этим связано второе из анонсированных выше заявлений Хайдеггера: «На своих путях присутствие... “не пожирает километры”» [Там же]. Это фиксирует не «созерцательный промер пространства» как такового, но озаботившееся бытие присутствия. Таким образом, пространственность присутствия осмыслена как экзистенциал.

Апеллируя к *заданности (заранее, уже-данности)* области пространства, мы находим возможность экстраполировать онтологические построения в социокультурный контекст. Было показано, что экзистенциальная аналитика Мартина Хайдеггера может рассматриваться как методологический базис для онтологических изысканий постнеклассической философии. Это связано с пронизывающим всю аналитику присутствия «человеческим» измерением, коль скоро вопрос о смысле бытия должен считываться с сущего, для которого «в его бытии речь идет о самом этом бытии» [Там же]. С другой стороны, в постнеклассическом философском взгляде на пространство продуктивным оказывается понятие «полионтичность», дающее возможность признать существование пространств с разными онтологическими свойствами: физическое пространство, пространства-эпистемы, социальное, культурное, психологическое, экзистенциальное пространства [1]. Сам Хайдеггер, проводя проблему бытия сущего через онтологический опрос и феноменологическое разыскание, не дает сколько-нибудь прямые ссылки на социальный контекст. Тем не менее интерес в этом отношении вызывают некоторые высказанные им мысли. И первое, что обращает на себя внимание, как было отмечено в начале абзаца, – это области пространства и их характеристика. Как мы помним, анализ пространства предполагает кроме пространственности присутствия рассмотрение пространственности подручного и бытия-в-мире, и каждая из этих «ступеней разыскания» содержит мысли, дающие возможность выхода в социокультурный аспект. Понятие и понимание сущности области пространства выводимо из анализа пространственности подручного. Поле пространства складывается из множественности *мест* подручного, которое есть не произвольное наличие вещей, но «определенное “туда” и “сюда” принадлежности средства» [10]. Туда-принадлежность подручного указывает на его принадлежность к некоей целостности средств, что и именуется *областью*. Это не голое пространство, а пространственность, принадлежащая сущему (вещи) в качестве ее места, т.е. субъект изначально не вымеряет и не видит (если нет специально поставленной задачи, например, геодезической съемки) чистого пространства как такового, он видит вещи, объекты на своих или находимых («преднаходимых») для них местах. Такое пространство, осмысленное не как абсолют, пустота, но как *объекты-на-своих-местах*, значимо и в социокультурном контексте. Хайдеггер замечает, что области *за-дают* (заранее, уже дают) *«опережающее куда»*. Собственно, здесь уже скрыта и раскрывается социокультурная задача. Для этого представляется необходимым добавить к хайдеггеровскому «опережающему куда» *«опережающее как»*, имея в виду, каким образом, опережающе исходя из видения самого пространства, человек его осваивает. Дело в том, что пространство и человек как онтологически, так и в социокультурном измерении находятся в особом рода отношениях. Во-первых, Хайдеггер соотносит понятие пространственности с *предваряющей подручностью конкретной области пространства*, т.е. пространство как пространственность всегда уже освоено, «подручно» (перекликается с однокоренным «*приручено*»), обладает поэтому «характером незаметной свойскости», в отличие, скажем, от времени, которое всегда непонятно и даже угрожающе непреодолимо. Подобного рода рассуждения можно найти еще у одного известного немецкого мыслителя. «Слово “даль” получает для нас раньше определенное значение, чем слово “будущее”» [12, с. 41], – пишет Освальд Шпенглер. Это позволяет человеку осмыслить окружающий мир как «мир для нас», «подчиняя себе чуждое и таинственное, превращая его в понятную и *устроенную* действительность» [Там же, с. 141] (курсив автора статьи. – Е. Ю.). Во-вторых, пространство и человек находятся в отношении «со-конструирования». Мы не случайно в заголовке статьи дали притяжательное местоимение «человек и *его* пространство». Пространство не просто «подручно-приручено», уже освоено (даже если его придется открывать Колумбу), оно «сконструировано» человеком под человека и для человека. Собственно говоря, в историческом и социокультурном плане вся история человечества – это история освоения или, лучше сказать, *усвоения* (делание своим) пространства. Даже развести первый в истории костер – это уже организовать пространство со своим центром, периферией и кругом, т.е. с теми пространственными элементами, которые со временем станут восприниматься как сакральные. Известно, что одной из основных черт возникновения цивилизации является урбанизация, возникновение города – о-гороженного (о-своенного, своего) пространства. Таким образом,

пространство для человека – *устроенная (вы-строенная, сконструированная)* действительность, *культурное пространство*. Важно понимать, что процесс взаимодействия пространства и человека – это процесс, как было сказано выше, со-конструирования. С одной стороны, «сами места отводятся подручному в усмотрении озабочения или их преднаходят» [10]. С другой стороны, пространство «формирует» человека, «*специфическая мирность* (окружающего мира) артикулирует в своей значимости деловую взаимосвязь всегдашней целостности отводимых усмотрением мест» [Там же]. Такого рода артикуляция подразумевает возможность открытия внутримирно сущего, однако же в обоюдной возможности присутствия опережающе допустить сущему встретиться. То есть человек, формируя, конструируя пространство, находится под влиянием того, как конкретная область пространства себя по-своему «кажет». Предметная и топологическая характеристика физического и онтологического пространства оказывается принципиально значимой при формировании социокультурного пространства и даже социальной психологии.

Все же наиболее продуктивным и эвристическим для выявления связи между онтологической обрисовкой субъекта и социокультурным контекстом является анализ пространственности присутствия. Именно здесь обыденная индифферентность присутствия, через которую присутствие первично подлежит интерпретации, определяется через вполне «пространственное» понятие «серединность». В «усредненной повседневности» речь идет о бытии присутствия, в том числе в модусе «*бегства* от нее и *забвения* себя». Экзистенциальный план, заданный Хайдеггером, дает возможность прояснить глубинные, пожалуй, коренные основания человеческого существования и сосуществования (событие, соприсутствие), в том числе в социокультурном плане. Такого рода направленность поиска требует отдельного исследования.

Таким образом, решение поставленных в статье задач, а именно анализ онтологии пространства на основе аналитики присутствия, опора на методологический каркас новой онтологии, в частности, при выявлении субъектно-объектной оппозиции, дало возможность достигнуть поставленной цели – экстраполяции онтологических построений в социокультурный контекст.

Список источников

1. **Афанасьева В. В., Анисимов Н. С.** Постнеклассическая онтология [Электронный ресурс] // Вопросы философии. 2015. № 8. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1233 (дата обращения: 20.07.2019).
2. **Афанасьева В. В., Пилипенко Е. А.** Онтология времени // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия «Философия. Социология и социальные технологии». 2014. № 4 (24). С. 6-14.
3. **Власова О. В.** Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ. История, мыслители, проблемы [Электронный ресурс]. URL: <https://fil.wikireading.ru/56172> (дата обращения: 11.08.2019).
4. **Головашина О. В.** Объективная онтология? Метафизика Г. Хармана // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 1. С. 4-16.
5. **Демин И. В.** Соотношение подручного и наличного в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 2/1 (93). С. 5-11.
6. **Коновалов Г.** *Cogrus vs Object*. Онтология тел Жан-Люка Нанси как объектно-ориентированная // Логос. 2017. Т. 27. С. 113-123.
7. **Корнеев М. Я.** Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур [Электронный ресурс]. URL: <https://fil.wikireading.ru/52152> (дата обращения: 11.08.2019).
8. **Мейясу К.** *Время без становления* [Электронный ресурс]. URL: http://www.ncca.ru/app/mediatech/file/Quentin_Meillassoux.pdf (дата обращения: 20.07.2019).
9. **Пилипенко Е. А.** Социальное время: онтологический аспект // Вестник Поволжского института управления. 2014. № 5 (44). С. 99-106.
10. **Хайдеггер М.** *Бытие и время* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=95901&p=5> (дата обращения: 20.07.2019).
11. **Харман Г.** Четвероякий объект: метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь: Гиле Пресс, 2015. 152 с.
12. **Шпенглер О.** *Закат Европы*. Новосибирск: Наука, 1993. 584 с.
13. <https://gigabaza.ru/doc/110013-p70.html> (дата обращения: 25.08.2019).

HUMAN BEING AND HIS SPACE – ONTOLOGICAL AND SOCIOCULTURAL ASPECTS

Pleshivtseva Elena Yur'evna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk
albaneiler5765@mail.ru

The article analyses in detail the ontology of space relying on Martin Heidegger's existential analytics. The author argues that the German thinker's ontology can be considered as a methodological basis most relevant for the post-non-classical paradigm in the study of marginal existential foundations, because just existential analytics, which is in tune with the modern "anthropocentric" trend of philosophy in general and ontology in particular, allows identifying the interrelation of ontological and sociocultural aspects while interpreting spatial conceptions.

Key words and phrases: ontology of space; the ontological; the ontic; existential analytics; post-non-classical paradigm; anthropocentric; sociocultural aspect.